

Иван Беляев

Фригорист

Иван Беляев
Фригорист

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165157
Фригорист: «Научная книга»; Саратов;

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
ГЛАВА ВТОРАЯ	11
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	21
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Иван Беляев

Фригорист

ГЛАВА ПЕРВАЯ

* * *

Взрывная волна с мясом вывернула толстую полированную дверь и, сметая все на своем пути, со страшным грохотом стремительно понеслась по лаборатории. Плотным фронтом она за доли секунды преодолела расстояние в несколько десятков шагов до второй двери и, выбив и ее, ворвалась во вторую комнату, где находился Стрелков. Как ни мало времени прошло с момента взрыва, до того как потерять сознание, он все же успел подумать, что что-то случилось с газом. Он попытался закрутить вентиль баллона с хладагентом, но не успел. Плотный поток сорвал со стола вынутые из холодильника склянки, швырнул их в стену, разбивая вдребезги, и обрушил смесь осколков и жидкости на Сергея Петровича. К счастью, Стрелков инстинктивно пригнулся, когда услышал взрыв, поэтому бутылки, пролетели у него над головой, даже не задев. И хотя его ударило в стену и он был весь мокрый и осыпанный осколками стекла и плюс еще на несколько секунд потерял сознание, практически не пострадал.

Когда Стрелков открыл глаза, на уши давила странная звенящая тишина, нарушаемая шипением газа, выходящего из баллона, да осторожными шагами. Словно он провалился на дно огромного аквариума, из которого тонкой и злой струйкой вытекала вода. Приглушенное шарканье шагов, ширилось, расходилось тихими всплесками, торкавшими, словно кровь, наполнявшая виски напряженным и тошнотворно-равномерным гулом. На мгновение Стрелков будто вынырнул из этой заповедной глубины, услышав, как раздалось несколько сухих хлопков и почувствовав, как к витающим в воздухе смесям прибавился запах пороховых газов. Он отодвинул от себя баллон, даже не попытавшись его закрыть, и собирался позвать на помощь тех, кто медленно, но неотвратимо приближался к нему, но что-то его остановило. Сергей Петрович услышал рядом стон и медленно скосил глаза. Шагах в трех он него лежал один из сотрудников лаборатории – молодой худощавый мужчина с узкой щеточкой черных усов. Видно, он ударился о стену головой, потому что из рассеченной брови у него текла кровь, скатываясь на пол по гладко выбритой щеке. Сотрудник начал приходить в себя, и Стрелкову захотелось помочь ему, но сделать этого он не успел.

– Проверь в самом конце, – услышал он приглушенно рыкающий баритон и прижался к стене, – там какой-то шум. Ладно, я сам.

Над столешницей Стрелков увидел мужчину в костюме, крадущегося осторожно, как хищник, выслеживающий дичь. «Почему он так осторожничает?», – только и подумал Сергей Петрович и в ту же минуту вздрогнул всем телом, потому что заметил в руке мужчины пистолет с длинным дулом. Ствол пистолета рыскал по комнате следом за хищным взглядом своего владельца. Мужчина увидел сотрудника, лежащего рядом со Стрелковым и, направив оружие ему в голову, нажал курок. Еще один сухой хлопок. Пуля пробила тому лоб, образовав не предусмотренное природой отверстие. Мужчина с усами обмяк, на секунду изогнувшись от смертельной боли, и застыл с раскрытым ртом, из которого потекла струйка крови.

– Четыре, – сказал стрелок, деловито оглядывая оставшуюся часть лаборатории, – где-то должен быть еще один.

– Сматываемся, Игорь, – раздался еще один голос, более молодой, и, как показалось Стрелкову, менее решительный, – сюда сейчас менты со всего города налетят, как мухи на дерьмо.

– Проверь все еще раз, – прошипел в ответ мужик в костюме, – не мог же этот придурок с чемоданом исчезнуть как в сказке. Мы же насчитали с тобой пятерых. Иваныч с нас шкуру спустит, если узнает, что не всех порешили.

– Хрен с ним, с пятым, – Стрелков увидел над столом фигуру человека, который это сказал, – все равно сгорит здесь синим пламенем.

У него в руках была небольшая канистра, из которой он разбрызгивал какую-то жидкость.

«Бензин», – похолодел Стрелков, поведя ноздрями.

Коченея всем телом, он с ужасом наблюдал за человеком с пистолетом, который стоял буквально над ним, но Сергея Петровича почему-то не замечал. Или делал вид, что не замечает, потому что смотрел на него почти в упор. Ствол пистолета с глушителем, на какое-то мгновение застыл, глядя своим черным глазом прямо на Стрелкова, потом медленно отполз в сторону, следуя за взглядом киллера. Если бы Сергей Петрович не боялся выдать своего присутствия, хотя и находился прямо перед глазами убийцы, он бы непременно издал вздох облегчения. Киллер отшвырнул носком ботинка баллон с фреоном, отвернулся от Стрелкова, и еще раз осматривая все углы, пошел к выходу.

– Черт с тобой, уходим, – резко бросил он своему напарнику, который продолжал поливать комнату бензином.

К счастью, ни капли бензина не попало на Стрелкова. Как раз в то время, когда молодой поливал место где он лежал, над ним стоял мужик с пистолетом, как бы прикрывая его.

«Господи, Господи, Господи», – Стрелков даже перекрестился, когда убийцы вышли из комнаты, хотя в церковь ходил от случая к случаю, да и то, скорее подчиняясь общему настрою, чем настоящей вере.

Он посмотрел куда бы опереться, чтобы не поранить руку об осколки разбитых емкостей, и в первое мгновение ему показалось, что он видит страшный сон. Он ущипнул себя за ногу и едва не вскрикнул от боли. Он явно бодрствовал. Боясь увидеть то, что ему помешалось, а вернее, страшно желая увидеть то, чего он не увидел в первый раз, он открыл глаза. Ее не было! Не было руки, на которую он собирался опереться!!!

– Господи! – простонал Стрелков, не узнавая своего голоса, таким чужим и далеким он ему показался, – оторвало взрывом!

Он даже немного успокоился, когда проговорил эти слова. В конце-концов он остался жив в такой переделке, и даже с одной рукой, тем более правой, как-нибудь протянет и даже сможет прокормить семью. Мысль о семье, какой бы несвоевременной она ни была, отвлекла его от происходящего и немного успокоила. Как если бы это было некой скрытой и спасительной возможностью самоидентификации. Эта мысль возвращала его в привычную среду, в житейский круг, из которого он чуть не выбыл. Семья, являвшаяся целью жизни, озарила на мгновение смыслом всю эту кошмарную ситуацию. И все-таки... все-таки... в глубине души народилось и теперь давало о себе знать какое-то неопределенное тревожное чувство. Словно воспоминание о неизжитом за тысячи лет атавизме, тонкая и едкая ухмылка потаенной сущности, имевшей сходство с первобытными формами жизни. Да, рука у него была, хотя он ее и не видел, так как он, как ему казалось в тот момент, ощущает ее. Он вспомнил что-то о фантомных болях, когда люди, потерявшие конечности, чувствуют в них боль. Но в том-то и дело, что он не ощущал боли в оторванной руке. Правда, это воспоминание, а точнее обрывок воспоминания, пронесся у Сергея Петровича в мозгу с космической скоростью. Он вспомнил, где он находится, и что сейчас не время предаваться размышлениям, а нужно что-то делать, чтобы выбраться из этой гребаной лаборатории.

Он все-таки выбрал место, оперся о пол рукой, которой не было! и поднялся. Теперь он посмотрел на правую руку. Ее не было точно так же, как не было и левой.

– Твою мать! – прошептал Стрелков, холодея от страха, так как без обеих рук ему точно не выжить в этом жестоком мире.

Его голова упала на грудь, и он уже подумывал о том, чтобы остаться здесь и сгореть заживо, когда увидел пол под своими ногами. Ног не было тоже! Не было ног, как не было и всего остального тела, которое он мог видеть (или мог не видеть? или не мог видеть?). Его всего не было! Но ведь как-то он стоял на этом чертовом полу, ощущая под ногами твердое основание и влагу от прилипшей к телу одежды. Он даже чувствовал, что на запястье левой руки, на кожаном ремешке у него надеты часы. Ничего не понимая, Стрелков принялся себя ощупывать. Руки, которых не было, говорили ему о том, что и руки, и другие части тела у него, Сергея Петровича Стрелкова, есть, потому что он чувствовал прикосновения, чувствовал мокрые джинсы и пиджак, ощущал тактильно грудь, живот и даже...

– Просто у меня что-то с глазами, а вернее с головой, – подытожил Петрович, так как всю окружающую его обстановку он видел.

Дальше рассуждать у него не было времени – голубое шипящее пламя, ворвавшееся в комнату со стороны входа, стало желтеть, разгораться все ярче и ярче, окутывая предметы и то, что осталось от них, бегущим, грозно клубящимся облаком. Комната быстро наполнялась едким удушливым дымом. Прикрывая лицо полкой пиджака, которую он машинально нащупал, Стрелков бросился к двери. Во втором отсеке лаборатории, ближайшей к выходу, пожар полыхал уже вовсю. Сергей Петрович в несколько прыжков добрался до выхода и, пробежав коридорчиком, выскочил на улицу, едва не споткнувшись о тело охранника, лежащего у распахнутой двери с дыркой в голове.

* * *

Пошатываясь, почти ничего не видя вокруг себя, Стрелков сделал пару десятков шагов и наткнулся на некрашенную скамью, неведомо каким образом и с каких пор, обосновавшуюся во дворе сельхозинститута. Чуть не перелетев, через нее, Сергей Петрович, повернулся и, боясь, что скамейка исчезнет из вида, точно так же, как пропал он сам, опустился на нагретое солнцем сиденье. Положив невидимую голову на ладони невидимых рук, которые поставил на невидимые колени, он тяжело вздохнул и вспомнил, как неплохо, в общем-то, начинался сегодняшний день.

* * *

Теплым июньским утром Сергей Петрович Стрелков – высокий плотный мужчина сорока двух лет – неторопливо шагал по тротуару. Плетеные туфли из коричневой кожи приятно сидели на ноге, придавая походке дополнительную упругость. Поясной ремень, под который была заправлена новая серая рубашка, поддерживал синие джинсы на слегка округлом животе. Довершал наряд Сергея Петровича легкий, цвета индиго пиджак с закатанными до половины предплечья рукавами.

Насвистывая под нос какую-то незамысловатую мелодию, Стрелков пересек широкую, запруженную транспортом дорогу и, пройдя еще пару кварталов, свернул на узкую, почти безлюдную улицу. В конце улицы стоял кирпичный дом-особняк, принадлежавший до революции богатому тарасовскому купцу. Нырнув под арку, Сергей Петрович очутился в просторном, заваленном всякой всячиной дворе, куда выходила одна из дверей особняка, и вошел внутрь.

В большой комнате, одна часть которой служила чем-то вроде конторы, а другая – мастерской, стояло два стола, за одним из которых сидел маленький лысоватый мужчина в клетчатой рубашке и сосредоточенно заполнял какой-то бланк. В дальнем конце комнаты парень в рабочей спецовке колдовал над черной штуковиной цилиндрической формы.

– Привет, Петрович, – услышав, как Стрелков вошел, сидящий за столом мужчина поднял на него внимательные темные глаза, – ты как раз вовремя.

– Здорово, Иван Василич, – смахнув со свободного стула невидимые крошки, Стрелков присел рядом. – Что нового? – Он поднял руку, приветствуя парня, занимавшегося ремонтом.

– Вчера вечером поступил заказ из сельхозинститута, – Иван Васильевич протянул Стрелкову заполненный бланк, – там у них в лаборатории что-то опять с холодильником. Просили самого лучшего мастера. Ты там уже был два раза. Чем они там вообще занимаются?

– А черт их знает, – пожал плечами Стрелков, забирая наряд, – только секретность там такая, как-будто они атомную бомбу изобретают.

– Наверное, комбайн на воздушной подушке, – усмехнулся Иван Васильевич, – или бананы, которые растут в средней полосе. Ладно, не тяни резину, двигай к ним. И не забудь удостоверение, – добавил он уже серьезнее.

– Да не забуду, – Сергей Петрович сунул наряд в карман пиджака и, встав со стула, подошел к другому столу.

Наклонившись, он поднял стоявший рядом с ним кейс с инструментами и, проверив его содержимое, с удовлетворенным видом защелкнул замки.

– Не знаю, чем они там занимаются, Иван Василич, но оборудование у них пу-у-утное, – протянул Стрелков со смаком, – все по высшему классу.

* * *

Сельхозинститут занимал целый квартал в центре города. Лаборатория, куда направлялся Стрелков, находилась в пристроенном одноэтажном здании внутри огромного двора. Сергей Петрович, пройдя мимо старенького красного «Фольксвагена» с заляпанными грязью номерными знаками, остановился возле стальной двери с маленьким окошечком и надавил на кнопку звонка. Охранник – крепкий парень с короткой стрижкой и цепкими серыми глазами – открыл окошко и подозрительно посмотрел на посетителя.

– Вы к кому?

– Стрелков, – сказал Сергей Петрович и протянул охраннику удостоверение, – я насчет холодильника.

– Сейчас посмотрим, – парень забрал документ и на несколько секунд исчез из вида.

Вскоре за дверью раздалось какое-то гудение, щелкнул электронный замок, и охранник появился на пороге распахнутой двери.

– А это что? – покосился он на кейс.

– Инструменты.

– Нужно проверить, – безапелляционно заявил он и кивнул на стол, – заходи, клади свое барахло сюда.

Шагнув внутрь, Стрелков услышал, как за ним автоматически захлопнулась входная дверь, и положил кейс на стол, рядом с раскрытой книгой, которую, вероятно, читал охранник. Пока тот проверял содержимое кейса, Сергей Петрович рассеянно водил взглядом по совершенно голым, без единого окна, стенам коридора, в дальнем конце которого была еще одна дверь. Закончив проверку, охранник поправил кобуру с пистолетом и, кивнув Стрелкову, направился в дальний конец коридора. Там он остановился и, надавив на кнопку переговорного устройства, произнес в микрофон:

– Стрелков Сергей Петрович, ООО «Фриз», техник по ремонту холодильного оборудования. Спирагин вчера сделал заявку.

Стрелков снова услышал, как тихонечко зажужжал электродвигатель, и совершенно гладкая никелированная дверь начала медленно открываться.

– Солидно, – уважительно произнес Сергей Петрович и вошел в помещение лаборатории.

Дверь за ним закрылась, окончательно отрезав его от внешнего мира. «Словно на секретном военном объекте», – подумал Сергей Петрович, рассматривая стоявшие в центре комнаты, сверкающие хромом и никелем столы, с расставленными на них диковинными приборами, мощными микроскопами, компьютерами последнего поколения, пробирками, ретортами, пластиковыми клетками с подопытными белыми мышами и еще бог знает чем. Ожидая, что кто-нибудь выйдет, чтобы встретить его, он успел заметить металлические шкафчики, стоявшие вдоль стен, на дверках которых были надписи на английском языке. Действительно, через мгновение он увидел человека в зеленом халате и таких же штанах, в каких ходят врачи в зарубежных больницах. Оказывается, Стрелков просто не заметил его сразу, так как тот сидел за столом, склонившись над микроскопом.

– Доброе утро, – мужчина в халате поднялся и пошел навстречу Сергею Петровичу. – Вы по поводу холодильника? – спросил он, как-будто сюда мог прийти еще кто-то, о ком он не знал. – Пойдемте. Меня зовут Виктор, если вы помните. Спирагина, к сожалению, нет, – пояснил он, – но нам он и не нужен.

Он провел Стрелкова в соседнюю комнату, дверь в которую была не заперта. Там, за такими же, как и в первой комнате, столами сидели еще три человека в абсолютно одинаковых одеждах. Двое смотрели на экраны семнадцатидюймовых мониторов, один набирал в шприц какой-то раствор из пробирки. Они на секунду подняли на вошедших глаза и снова занялись своими делами. Холодильник находился в конце комнаты. Это был большой металлический шкаф фирмы «Филипс» с электронным градусником на наружной панели, который показывал установленную температуру.

– Какие проблемы? – поинтересовался Стрелков, заметив, что градусник работает.

– Не выдерживает нужного температурного режима, – пожаловался Виктор. – Уже второй день работает с повышенной нагрузкой. Понимаете, нельзя допускать, чтобы реактивы хранились с большим перепадом температур...

– Ладно, разберемся, – Стрелков легонько отстранил Виктора и открыл дверку холодильника.

Весь холодильник был забит прямоугольными стеклянными емкостями литра по два каждая с притертыми пробками. К горловине каждой емкости была прикреплена бирка с латинским названием.

– Придется все это вынуть, – показал Стрелков на емкости.

– Хорошо, – как-то неуверенно ответил Виктор и принялся выставлять бутылки, – только я прошу вас, не долго, потому что все остальные холодильники у нас заняты, а препараты должны храниться при определенной температуре.

– Это я уже слышал, – буркнул Стрелков, глядя, как бутылки занимают место на столе, который стоял за его спиной.

– Ну, не буду вам мешать, – тонкими бледными губами улыбнулся Виктор, – если что-то вам понадобится, зовите меня.

Он развернулся и вышел в соседнее помещение.

Оставшись один на один с агрегатом, Сергей Петрович отодвинул его от стены, что было сделать не трудно, так как холодильник был оборудован колесиками и легко передвигался по гладкому каменному полу лаборатории. Осмотрев контур, по которой циркулировал газ, Стрелков заметил небольшое масляное пятно. «Ясно», – прошептал он, поняв, что про-

исходит небольшая утечка фреона. Он устроился на стуле, положив кейс с инструментами на стол рядом с бутылками, и открыл его. Сначала Сергей Петрович достал растворитель и обработал место утечки мягким тампоном. Потом, выдавив из двух тюбиков на специальную дощечку пастообразное вещество, он, смешивая, начал разминать его маленьким шпателем. Через минуту все было готово. Ловким движением он нанес состав на поврежденное место и, ожидая, пока тот схватится, начал готовить баллон с фреоном. «Вот и все», – пробормотал он, присоединив переходник баллона к контуру холодильника через небольшой штуцер и повернул вентиль, выпуская фреон из баллона в систему холодильника. В этот миг все помещения лаборатории сотряслись от страшного грохота.

* * *

В красном «Фольксвагене», мимо которого Стрелков прошел, не обратив на него никакого внимания, сидели двое мужчин. Один постарше с прической «ежиком» внимательно следил за входом в лабораторию, иногда делая своему более молодому соседу замечания или задавая вопросы. Другой – брюнет с длинными вьющимися волосами, забранными на затылке в «хвост» – отвечал на них и тоже смотрел на дверь, за которой уже скрылись четверо служащих лаборатории. Оба были в тонких хлопчатобумажных перчатках.

– Кажется, пятый явился, – заметив, как Стрелков подошел к двери в лабораторию, сказал старший. – Что-то он задержался.

– Он все-таки пришел, и это главное, – хмыкнул молодой.

– Макс, – грубо осадил его старший, – я решаю, что главное, а что нет. Ты бы лучше проверил все еще раз, скоро двинемся, нечего здесь светиться дольше, чем это необходимо.

– Ладно тебе, Гоша, – миролюбиво протянул Макс, – у меня давно все готово, не первый год замужем. А эти голубчики теперь все равно никуда не денутся.

– И не называй меня Гошей, твою мать! – прошипел старший, – а не то я тебе мозги вышибу.

Он вытащил из-под пиджака пистолет с глушителем и ткнул его Макс в щеку.

– Ты меня понял, паскуда? – со злостью спросил он.

– Да ладно тебе, Игорь Василич, – Макс поднял руки, показывая, что согласен со своим шефом. – Все уже на месте, пора двигать.

– Пошли, – Игорь Васильевич спрятал пистолет в кобуру и вышел из машины.

Следом, прихватив небольшую сумку, выбрался Макс. Они быстро приблизились к стальной двери с окошечком, и Игорь надавил на кнопку звонка. Подождав, пока откроется окно, он быстро провел перед ним каким-то удостоверением.

– Пожарная инспекция, открывай, – заявил он охраннику.

– Не положено, – отрезал хмурый охранник, – без специального разрешения не могу.

– Да есть у нас разрешение, есть, – он помахал перед окном листом бумаги.

– Меня никто не предупреждал, – стоял на своем охранник, – здесь секретная зона.

– Да ты хоть посмотри на разрешение, друг, – самодовольно улыбнулся Игорь Васильевич, – а то нададут тебе потом по шапке.

– Ладно, давай... – неуверенно произнес охранник и высунул руку в окно.

Это было не по инструкции и он вскоре поплатился за свою ошибку. Макс быстро перехватил его руку и сильно потянул на себя, а Игорь ткнул в лицо охранника «макаров».

– Быстро открывай, сука, не то мозги по стенке размажу, – злобно прошептал он в ухо охраннику. – И не вздумай достать пушку, козлина.

Охранник сильно ударился головой о стальную дверь, когда Макс дернул его за руку, и теперь плохо соображал, что с ним произошло. Одно он понял хорошо, что если он не откроет, то может лишиться жизни. Это умозаключение стало еще одной его ошибкой. Если

бы нападавший выстрелил в него, то уже никаким способом не смог бы попасть внутрь помещения, потому что кнопка, при помощи которой отпирался замок, была далеко от окошка. Откажись охранник открыть дверь, возможно и остался бы в живых.

– Живо открывай, кретин, – Игорь взвел курок пистолета, – стреляю.

– Сейчас, сейчас, – торопливо проговорил парень и потянулся к кнопке.

Едва дверь открылась, Игорь Васильевич быстро шагнул внутрь, а Макс продолжал держать охранника за руку, не давая ему возможности достать оружие. Как только старший очутился в коридоре, он направил пистолет охраннику в голову и спустил курок. Оставив начальника оттащить охранника в сторону и закрывать дверь, Макс почти бегом направился в противоположный конец коридора, на ходу доставая из сумки куски пластида. Он быстро, но без излишней суеты, прикрепил несколько кусков взрывчатки по периметру полированной двери, осторожно вдавил в них детонаторы и соединил проводками, концы которых заканчивались небольшими зубастыми зажимами – «крокодилами». Управившись с охранником, к Максусу присоединился Игорь Васильевич. Он помог ему отмотать несколько метров провода и подсоединить один контакт к портативному аккумулятору.

– Нас не расплющит здесь, а, Макс? – с некоторой тревогой в голосе спросил Игорь.

– Не дрейфь, Игорь Василич, – с серьезным видом ответил Макс, – заряды направленного действия. Но давай все равно лучше присядем тут в уголке. И закркни уши, – добавил он.

Через секунду взрыв страшной силы выбил тяжелую стальную дверь. Она пролетела несколько метров и ударила Виктора, который работал в первом отсеке лаборатории, ребром, мгновенно сломав ему шейные позвонки и наполовину придавив его тело своей массой. Он умер, так и не поняв, что случилось.

Следом за дверью в лабораторию влетел Игорь Васильевич. Макс немного задержался. Смотав остатки провода на катушку, он бросил ее в сумку и достал оттуда ТТ с навинченным на него глушителем, а в это время Игорь уже выстрелил в голову Виктору.

– Раз, – хладнокровно произнес он, когда Макс появился следом за ним в лаборатории. – Осталось четверо. Иди, проверь там, – показал он на вторую дверь, а я здесь посмотрю.

Макс быстро нашел еще двоих и прикончил их выстрелами в голову.

– Два... три... – негромко сказал он, нажимая на курок, точно считал финики.

* * *

Возле выбитой взрывом двери Макс выбросил канистру, за которой на полу остался маслянистый след и, щелкнув зажигалкой, подпалил небольшой клочок бумаги, который подобрал тут же, неподалеку. Он подождал, пока Игорь Васильевич миновал опасный участок, на котором был бензин, и выпустил импровизированный факел из рук. В тот момент, когда пламя добралось до второго отсека лаборатории, в котором находился Стрелков, Макс уже выходил на улицу. Не обращая внимания на зевак, успевших собраться возле пристройки, он сел в «Фольксваген» и захлопнул за собой дверь. Никто не попытался ему помешать, да никто и не собирался этого делать.

– Гони, Василич, – кивнул он начальнику, сидевшему за рулем, – дело сделано.

– Поехали, – ответил Игорь, нажимая на педаль акселератора.

Через несколько кварталов от места трагедии, он свернул на заброшенную стройку и остановил машину. Вынув из «Фольксвагена» свои вещи, подельники вышли на дорогу и остановили такси.

* * *

ГЛАВА ВТОРАЯ

* * *

В позе великой задумчивости Стрелков просидел не меньше часа. Он не думал ни о чем: просто не мог, не в состоянии был проследить одну какую-нибудь мысль от начала и до конца. Он не знал кто он и где находится, зачем вообще существует на этом свете. Да и был ли это этот свет или уже совсем другой? Может, он, Стрелков, уже умер, получив пулю в лоб? Петрович не особенно верил в рассказы о загробной жизни, которыми потчевала его в детстве бабушка, или в жизнь после смерти, о которой стали много говорить в последнее время, но что-то ведь такое должно было быть. Не может же человек, появившись на свет и прожив нелегкую земную жизнь, просто так исчезнуть, испариться как фреон, оставив после себя лишь холодную изморось. Кто он вообще такой, Стрелков Сергей Петрович? Когда-то, лет десять назад, подающий надежды старший научный сотрудник одного из отделов крупного научно-исследовательского института, работающий над кандидатской диссертацией. Потом... Что было потом?

Перестройка и последовавший за ней кризис девяносто первого года сделали свое дело. Лишенный государственного финансирования институт, еще лет пять-шесть влачивший жалкое существование, окончательно развалился, сотрудники постепенно разбежались как тараканы, распуганные дихлофосом, найдя себя кто в чем. Стрелкову, можно сказать, повезло. Он не стал кичиться статусом научного работника, а по совету одного приятеля устроился на курсы холодильщиков.

– Кому нужна твоя диссертация, – скептически усмехаясь, говорил приятель, – и что тебя ждет потом? А вот холодильники люди всегда будут покупать, а они всегда будут ломаться, даже самые лучшие. А если они ломаются, значит, их должен кто-то ремонтировать.

Имея высшее образование, Стрелков легко освоил новую профессию, тем более, что самой сложной деталью в холодильнике был компрессор, да и тот запаянный в металлический кожух. Вскоре он легко начал разбираться в самых современных моделях отечественного и импортного производства. Правда, чтобы получить лицензию на ремонт фирменных агрегатов, пришлось закончить еще одни курсы, но это уже было не сложно, деньги начали прибывать как бы сами собой. Старые знакомые, которым Стрелков ремонтировал холодильники, рекомендовали его своим друзьям, как высококлассного специалиста. Деньги, конечно, платили левые. У Петровича для посиделок с друзьями и других своих надобностей всегда была притарена от жены солидная заначка.

Сергею Петровичу стало немного легче, а потом снова бросило в холод. Память – странная штука – помогла Стрелкову идентифицировать себя, но она же заставила думать о тех страшных людях, которые взорвали лабораторию, а затем расстреляли оставшихся в живых сотрудников. Естественно, это было сильным потрясением. Петрович едва не содрогнулся, вспомнив дуло пистолета, в упор глядящее на него. Он открыл глаза... Собственно, глаза у него и так были открытыми: веки хоть и моргали, смазывая жидкостью глазные яблоки, но света не заслоняли. Ладонь, которую он поднял, чтобы прикрыть глаза от солнца, произвели эффект ничуть не лучший, чем очки из чистейшего горного хрусталя. Это новое открытие ужаснуло его не меньше, чем ствол, направленного на него пистолета. Значит, все то, что он увидел (или не увидел) в последний момент в лаборатории, не плод его боль-

ного воображения? Привыкший всего в жизни добиваться самостоятельно, Стрелков чуть не взвыл от собственного бессилия. В сердцах он ударил ладонью по скамье, но промахнулся и, потеряв равновесие, полетел вниз. И хотя лететь было недолго – всего каких-то полметра – но удар был ощутимым. Сергей Петрович вскрикнул, сильно ударившись локтем о жесткую землю, поднялся, потирая локоть, и снова посмотрел на себя. Сквозь себя... Ничего, что он раньше именовал своим телом, не было. Его нет! Это было ужасно! Практичный ум Петровича зашевелился так, что можно было слышать, как мозги трутся о внутреннюю часть черепной коробки. Он ведь сидел на лавке, он стоит на земле двумя ногами, чувствуя, как мелкие камушки давят на ступни сквозь мягкие подошвы туфель. Да и боль в локте от удара о землю до сих пор не прошла. Значит, он есть, но его просто не видно. Придя к такому выводу, Петрович начал лихорадочно ощупывать себя. Убедившись, что все на месте, даже заначка, спрятанная в потайном кармашке пиджака, Стрелков несколько успокоился. «Я есть, я есть», – несколько раз прошептал он, словно заклинание, способное вернуть его в прежнее состояние. «Просто меня не видно», – добавил он и, найдя таким образом хоть какое-то объяснение, снова сел на скамейку. Сделать это оказалось не так-то просто, потому что не видя себя, Сергей Петрович несколько раскоординировался. И все же сердце, которое тоже существовало – он слышал как оно бьется в его груди – стало стучать гораздо спокойнее и увереннее.

Теперь Стрелков начал обращать внимание на то, что происходило вокруг него. А происходило там много чего. Толпа зевак, оттесняемая милиционерами в форменной одежде, пыталась как можно ближе подобраться к месту трагедии. Впрочем и с лавочки, где устроился Стрелков, было видно, что возле здания пристройки, в которой размещалась лаборатория, стояло несколько красных пожарных машин, к которым были подсоединены пожарные рукава. Сам пожар был уже потушен, и пожарные в прорезиненных доспехах и сапогах медленно передвигались среди луж, оставленных брандспойтами, или стояли небольшими группами, видимо, ожидая повторного возгорания.

Заметив неплохое место для наблюдения, трое мужиков довольно потрепанного вида, с большими пластиковыми пакетами в руках, отделились от толпы и направились к лавке с явным намерением оккупировать ее. Места на скамье едва хватило бы троим, поэтому Стрелков с интересом принялся наблюдать, что предпримут мужики, так как уступать им он не собирался: он ведь первый здесь устроился. Один мужик – высокий, худой, в засаленной кепке – устроился на противоположном от Стрелкова конце лавки. Второй, в потертом клетчатом пиджаке не первой свежести, обдав Петровича перегаром, опустился аккуратно рядом с ним, поставив свой пакет между ног. Третий, самый маленький, с лохматой пегой бородкой и усами, как у маршала Первой конной армии, издав вздох облегчения, словно с утра разгружал вагоны с углем, плюхнулся прямо на колени Петровича.

С криком, «ой, япона мать», он подскочил как ужаленный и, отбежав несколько шагов в сторону, остановился, бешено вращая глазами.

– Буденный, ты чего, – уставился на него клетчатый пиджак. – белены объелся?

– Федорыч, там это... – неуверенно произнес Буденный, тыча пальцем на лавку, – там кто-то это... сидит...

– Ну да, – хохотнул мужик в кепке, наклоняясь и глядя на пустое место, с которого выпрыгнул Буденный, – пить надо меньше.

– Так вместе же пили... – Буденный нетвердым шагом направился к лавке, – всего-то грамм по полтораста...

– Закусывать надо, – поддержал Федорыча «клетчатый пиджак» и полез в свой пакет. – На вот карамельку.

– Да пошел ты, – огрызнулся Буденный и осторожно опустился на лавку.

Стрелков едва успел уступить ему место, чтобы тот снова не сел ему на колени. Отойдя к одинокому тополи, он прислонился к нему плечом и стал наблюдать за местом происшествия. Ощущение шершавой коры дерева придавало Петровичу дополнительное успокоение, словно делая его полноценным членом общества.

Санитары в белых халатах поднимали носилки, на которых, выступая из-под черного пластика, лежало чье-то тело, и грузили их в машину «Скорой помощи». Еще четыре трупа, прикрытые таким же пластиком, лежали рядом возле стены лаборатории, ожидая своей очереди. Какой-то человек в штатском, с узкими губами остановил носилки и приподняв пластик, некоторое время смотрел на лицо погибшего. Затем, махнув санитарам рукой, осмотрел лежащих у стены и разрешил забрать и их тоже. Несколько санитарных машин, разрезав толпу, исчезли под аркой, ведущей со двора на дорогу.

Проводив их взглядом, Стрелков заметил вдруг среди зевак лицо, показавшееся ему знакомым. Это был средних лет мужчина, почти лысый, с большими умными глазами, внимательно смотревшими сквозь круглые стекла очков в тонкой золотой оправе. На нем был хороший костюм фиашкового цвета и ядовито-зеленая сорочка, воротник которой стягивал кофейный галстук. Очкарик не подходил близко к зданию лаборатории, но было заметно, что он живо интересуется всем происходящим. Он как-то нервно выглядывал из-за спины зевак, после чего слегка пригнулся, будто боялся быть замеченным. В один момент он весь напрягся, изогнувшись словно натянутый лук, глядя на двери лаборатории. Петрович посмотрел в том же направлении и увидел, как тонкогубый в штатском, брезгливо выбирая на земле чистое место, вышел из здания, держа в руках какую-то разбухшую от воды книгу. «Это журнал, – понял Петрович, – куда охранник заносил всех, кто приходил и выходил из лаборатории». Осторожно держа журнал одной рукой, тонкогубый принялся его перелистывать, когда сзади к нему подошел грузный коренастый мужчина в форме полковника милиции. «Вот это ребята наделали шороху, – подумал Стрелков, увидев столь высокий милицкий чин, – наверняка шишка из областного МВД». Стрелков очень точно подметил этот факт – Мамед Магомедов возглавлял всю тарасовскую милицию.

Полковник, встав на цыпочки, чтобы лучше видеть, заглянул в журнал из-за спины человека в штатском. Некоторое время, шевеля толстыми губами, полковник глядел на страницы журнала, но тонкогубый, заметив его, захлопнул журнал. Стрелкову вдруг захотелось узнать, что же в конце концов происходит и он, легко прошмыгнув мимо мента, стоявшего в оцеплении, приблизился к заинтересовавшей его парочке.

– Это может пригодиться нашим следователям, – сказал полковник с легким кавказским акцентом, тыча коротким и толстым как сарделька пальцем в журнал.

– Делом будет заниматься городская прокуратура, – ответил человек в штатском, – я передам эту книгу ее представителю.

– Но... – попытался было возразить полковник, но тонкогубый оборвал его.

– Не волнуйтесь, Мамед Мамедович, – зыркнул он в его сторону, – вам не придется этим заниматься.

– Вы думаете, это как-то связано с государственной безопасностью?..

Тонкогубый снова не дал ему закончить.

– Я пока ничего не думаю, будем разбираться.

– Это ведь моя территория, я должен знать...

– Вы не должны были допускать, черт вас побери, – повысил голос тонкогубый, – теперь, когда погибли люди, дело будет передано прокуратуре, я уже объяснил вам.

Тут Стрелков, который стоял совсем рядом с разговаривающими, вспомнил очкарика, пытавшегося что-то высмотреть здесь. Это был начальник лаборатории доктор Спиригин, которого он видел всего дважды в жизни, когда приходил сюда ремонтировать холодильники. Возможно, Вадим Михайлович сможет объяснить, что с ним, Стрелковым, случилось в

его лаборатории. Он должен, должен! Петрович посмотрел через головы собравшихся, пытаясь отыскать очкарика, но к своему ужасу не увидел того. Тогда он бросился в сторону арки, где мог исчезнуть доктор Спирягин. Сергей Петрович остановился перед оцеплением, ища место, где бы можно было выбраться наружу. Наконец он нашел лазейку и бросился бежать. Не видя своих ног, делать это было совсем не просто. Попробуйте с завязанными глазами бежать по полю: даже небольшая неровность поверхности может привести к плачевному результату. Когда мы ходим или бегаем, мы не замечаем, что боковым зрением, оказывается, наблюдаем за ногами или, по крайней мере, делаем это подсознательно. Стрелков несколько раз едва не растянулся, споткнувшись невидимыми ногами о выступы на асфальте. Все же ему удалось достигнуть дороги безо всяких травм и он остановился, озираясь по сторонам. Фисташковый костюм профессора стремительно приближался к перекрестку. Сергей Петрович кинулся за ним, лавируя между пешеходами, которых как назло было больше обычного. А может, это только казалось Стрелкову, потому что никто из встречных людей не замечал его и не торопился уступить дорогу? Петрович почти догнал Вадима Михайловича, который остановился на тротуаре с поднятой рукой. Когда до Спирягина оставалось не больше двух десятков шагов, перед ним остановилась машина, в которую тот сел и захлопнул за собой дверцу. Соображая на ходу, как ему поступить, Стрелков собрался было тоже юркнуть в машину на заднее сиденье, но на светофоре загорелся зеленый свет и такси сорвалось с места, оставив его на дороге. Следующий за такси КамАЗ едва не сбил Сергея Петровича, обдав его клубами едких газов: водитель КамАЗа просто не заметил его.

* * *

Выскочив из машины, Спирягин вошел в залитый солнцем сквер. Ему нужно было время, чтобы сосредоточиться и пораскинуть мозгами. Такого он не ожидал. В портфеле у него лежал сотовый и он порывался набрать знакомый номер, чтобы сообщить то, что он видел собственными глазами. Вместо мобильного однако он достал из кармана клетчатый платок и утерев им округлый выпуклый лоб, тяжело опустился на лавку. Кругом гонялись дети, за которыми лениво присматривали молодые мамы. Их беззаботность больно резанула по натянутым нервам Спирягина. По асфальту скакали воробьи, прыгая с ветки на ветку и снова слетая вниз, стайка голубей кормилась у ног сидящей на отдаленной скамейки старушки. Та ела батон и бросала время от времени крошки на землю. Спирягин почувствовал в горле ком, потянул за узел галстук – он казался ему удавкой. Промокнув еще раз лоб, Спирягин нашел в себе силы встать и добрести до маленького кафе на открытом воздухе, где торговали прохладительными напитками, пиццей и гамбургерами. Он порылся в карманах, чувствуя в теле страшную слабость, и, нащупав дрожащими пальцами деньги, вынул несколько сложенных купюр.

- Что хотели? – обратилась к нему полнотелая румяная девица в красной бейсболке.
- Бутылку «Славянской», – промямлил Спирягин.
- Большую? – уточнила продавщица.
- Нет, – Спирягин со смесью раздражения и досады качнул головой.

Ему казалось, что он вот-вот рухнет в обморок. Он отказывался думать о случившемся, боясь додуматься до какой-нибудь ужасной вещи. И все-таки... С минералкой в руках он вернулся на скамейку и попытался успокоиться. Чем был вызван взрыв в лаборатории? Есть ли в этом его вина? Что могли проворонить ребята? И как ему теперь отчитываться перед шефом? Спирягину снова сделалось плохо. Пот струился градом с его огромного лба. Он уже не вытирал его, глядя в землю. Капли падали на веки, застилали взгляд. Что-то теперь с ним будет? Спирягин глотнул минералки, завинтил на бутылке пробку и полез в портфель. И все-таки в толпе он слышал, что речь шла не просто о взрыве, а о нападении, о сознатель-

ном поджоге. Если бы это было правдой! В любом случае шеф узнает о взрыве, и если он, Спирягин, просто скроется, убежит, промолчит, то ему же будет хуже. Он достал мобильник и, мысленно перекрестившись, пробежал пальцами по кнопкам.

– Да, – рявкнули в трубку, – слушаю.

– Это Спирягин, – робко сказал Вадим Михайлович.

– Что там у тебя? – бесцеремонно поинтересовались на том конце.

– Лабораторию кто-то взо... зо-о...рвал, – запинаясь выговорил Спирягин, – только что...

– Что-о-о-о?! – раздался требовательно-недоверчивый возглас, – как взорвали? Кто?!

В трубку уже кричали.

– Не знаю, – окончательно растерялся Вадим Михайлович, – там менты понаехали... прокуратура...

– Че ты мне, козел, лапшу на уши вешаешь? – взревел звучный баритон, – сам небось что-то нахреначил, а хочешь на других вину спихнуть!

– Ну что вы! Мои ребята – отличный специалисты... были... Не могло быть никакой утечки, ничего такого, что повлекло бы взрыв, – испуганно затараторил Спирягин.

– Что с людьми? – с агрессивной деловитостью осведомился абонент.

– Мертвы, – выдохнул в трубку Спирягин и его охватило дикое желание расплакаться, нет, не от жалости, а от сознания невозможности что-либо исправить. – Я не знаю что мне делать, – прогнусавил он, гася в себе слезы, – как быть? Я задержался ненадолго...

– Тебя никто не видел? – более спокойно спросил баритон.

– Нет, – содрогнулся Спирягин.

– Точно все «отъехали»?

– Я видел пять трупов... на носилках, под пластиком... Если б я не... – у Спирягина снова сдавило горло.

– Так, – оборвали его, – ладно, я сам все узнаю. Ты где?

– В парке «Зеленая роща», – вздохнул Спирягин, испытывая бешенную жажду.

Он отвинтил крышку с бутылки и сделал большой булькающий глоток.

– Подтягивайся через десять минут к центральному входу.

– Сейчас за тобой приедут. Серебристая «Ауди» номер...

Спирягин был точно во сне. Он пропустил мимо ушей номер машины, его знобило, перед глазами плыл туман. Если бы только это действительно был поджог, – вертелось у него в голове. Нет, с ним не могут плохо обойтись, он – первоклассный специалист, таких как он нет. Все его коллеги, кто хоть что-то значил, уехали за рубеж за длинным долларом. И он бы уехал, если бы ему не предложили грандиозный проект и хорошие деньги. А теперь все его планы в одно мгновение рухнули. Да и сам он мог погибнуть, если бы не решил утром поработать над расчетами дома. Словно чувствовал! От этой мысли внутри у Спирягина снова все похолодело. Он взглянул на часы. Пора было идти. Ноги не слушались. Он грузно поднялся и поплелся к высоким решетчатым воротам. У него было ощущение, что к его ногам и рукам подвешены тяжеленные гири, таким трудным был каждый шаг, каждое движение. Его угнетал погожий майский день, раздражала детская возня, вгоняли в тоску беспечные улыбки молодых парочек, запрудивших парк и тротуары города.

Надо же! Взрыв случился именно тогда, когда он вплотную приблизился к цели своего эксперимента! Какая насмешка судьбы! Не-ет, – обреченно вздохнул Спирягин, – надо было ему ехать в Штаты. Но его словно бес попутал... Он горько усмехнулся. Фауст домогренный! Не прекращая самобичевания, не сдерживая горьких сетований на судьбу и свой вздорный характер, Вадим Михайлович добрал до ворот и, выйдя за них, уставился тусклым, отсутствующим взглядом на дорогу. На противоположной стороне стояла серебристая «Ауди». Как только Спирягин был замечен, из машины вышел высокий черноволосый муж-

чина и направился к воротам. Его развинченная походка, ленивый жест, которым он вставил сигарету в угол рта, самоуверенный вид, наглая, всезнающая ухмылка на четко очерченных губах выдавали в нем нахала и прихлебателя. Спирягин не раз видел этого человека и испытывал к нему стойкую антипатию.

– Ну что, допрыгался? – насмешливо процедил подошедший мужчина. – Поехали, чего застыл как пугало?

Брюнет держал голову склоненной немного набок. Эта небрежная поза и спокойный оценивающий взгляд возмутили Спирягина и заставили его мобилизовать все внутренние силы, чтобы не показывать своего пораженческого настроения. Он собрался, решив дать отпор этому наглому типу, но тот быстро и бесцеремонно взял его под руку и поволок к машине. Затолкав Спирягина на переднее пассажирское сиденье, брюнет надавил на педаль акселератора и, еще раз ухмыльнувшись и со значением качнув головой, тронул «Ауди» с места.

* * *

Стрелков понуро брел по улицам, осторожно переступая и то и дело «глядясь» в попадающиеся на пути зеркальные окна магазинов. Он понял, что ему нужно быть максимально осмотрительным, чтобы не сталкиваться с прохожими. Но одно дело понять в мыслях, а другое применять это на практике. Он несколько раз налетал на рассеянных прохожих, которые, не понимая, в чем дело, испуганно шарахались в сторону, чувствуя неожиданное сопротивление пустоты. В зеркалах таилась все та же пустота, заслоняемая поминутно проезжающими машинами и проходящими людьми. Стрелков по-прежнему отказывался верить в свое новое качество, хотя и стремился как-то приноровиться к незнакомой фантастической жизни. Это не было обычное качество и просто другая жизнь, то есть жизнь другой личности. Это был по-прежнему он сам и его собственное существование, но произошедшее с ним являлось неким коллапсом, после которого должно было начаться новое бытие, бытие в качестве невидимки. Тело, эта брэнная оболочка, которую покидает душа, устремляясь к небесной жизни, эта дольная проклиная материя оказалась мощной составляющей самосознания. Стрелков впервые это понял только сейчас, когда другие люди, пребывавшие в зримых телесных оковах, не видели его, а значит, не считались с ним. Устав петлять меж спешащих прохожих, он выбрался на Театральную площадь, где устраивались торжественные парады и развлекательные мероприятия.

Его взгляд скользнул вверх, упершись в гигантскую статую Ленина. Размах памятника, твердость материала и нелепая поза вождя наполнили душу Стрелкова незнакомой тоской. Раньше он просто недоумевал, кому понадобился такой «шедевр», он насмехался над этим монолитом, теперь же памятник давил на психику. Из руин своих школьных знаний Сергей извлек образ Медного всадника. Тогда он не понимал, каким жалким и беззащитным казался себе простолудин из поэмы Пушкина в сравнении с изваянным из бронзы колоссом. Стрелков вздохнул и опустил на лавку.

«Как бездомная собака, мать твою», – мысленно ругнулся он и почувствовал желание разрыдаться. Вместо этого он скривился, протер сухой ладонью глаза, которые нестерпимо болели, не защищаемые веками. Он поднес козырьком к глазам ладонь, но солнце, словно сквозь стекло прошло ее насквозь. Опустив оказавшуюся бесполезной руку, Петрович огляделся. На соседней лавке сидели две синюхи, молодая и старая. Одеты они были с комичной претензией, наштукатурены – сверх всякой меры. Не обращая внимания на окружающих, они шумно спорили о том, кому какая принадлежит территория. Внезапно заинтересованный, он подсел к женщинам. На голове пожилой тетки под грязно-розовой косынкой угадывались очертания бигудей. Морщинистые щеки, припорошенные пудрой и раскрашен-

ные румянами, возмущенно содрогались, алые губы ходили ходуном. Стрелкова поразила отчетливость видения. Теперь он мог, например, просто встать, приблизиться и сколько душе угодно наблюдать за людьми. «Черт, а это прикольно!» – попробовал он себя рассмешить. Молодуха была недурна собой, но ее портило обилие штукатурки, толстым слоем наложенной на кожу, несомненно старящее ее и придающее ее облику вульгарность.

– Твою мать, – громко ругалась тетка в бигудях, размахивая руками, – я ж тебе сто раз говорила: это, – она обвела рукой маленький скверик, – моя фазенда. Мне по хрену что Генка тебе разрешил, я тут весь день пекусь, навар с посуды мой.

Она ласково погладила почерневшей от солнца и грязи рукой засаленную матерчатую сумку, болтавшуюся на выступе спинки. Лежавшая в сумке стеклотара издала характерный звук, столь милый ушам синюхи. Другая сумка, объемистая и потерявшая от долгого употребления форму, стояла между ее колен. Она была набита всякой всячиной. Стрелков увидел торчащий пучок зеленого лука, надкусанную буханку хлеба, какие-то старые тряпки, горлышко пластиковой бутылки, прочий хлам.

Он мне ничего не сказал, – возражала молодуха, нахмутив брови, – да потом в конце концов ты че, купила все это?

– Ну ты, блин, даешь! – зло ухмыльнулась пожилая синеглазка, – если правил не знаешь, так нечего соваться! А ты думала, приготовили тут все для тебя, накося выкуси, – она вскочила с лавки и, показывая шиш, покрутила им перед носом у молодухи. – Мальчики, мальчики, – заегозила она с отвратительной для старой женщины вертлявостью, заметив идущих к свободной лавке двух парней с бутылками пива, – бутылочки дадите потом?

На ее минуту назад искривленных от злобного презрения губах забегала подобострастная улыбочка. Она засемила к парням.

– Над душой не стой! – буркнул один.

– Да-да, – льстиво улыбалась бабка, – конечно. Я вон там сижу, – она развернулась и ткнула пальцем в лавочку, на которой сидела печальная молодуха, – не торопитесь...

Она прошаркала к оставленной лавке и снова уселась рядом с молодой.

– Местечко славное, калымное, – издевательски усмехнулась она, косясь на замершую в тоскливом молчании женщину, – оно и понятно...

Та отрешенно пожала плечами и, встав, побрела прочь. В Стрелкове проснулась мальчишеская вредность. Он поднялся с лавки, прошел мимо удовлетворенной отступлением неопытной сборщицы бутылок старухи и, подойдя к висевшей на спинке сумке, спустил ручки так, что сумка не удержалась и грохнулась на асфальт. Жадно наблюдавшая за пьющими пиво парнями синюха вначале не поняла что случилось, потом, ошарашенная происшедшем, вскочила и едва не встала на колени перед лежавшей на асфальте сумкой. Она боязливо огляделась и с кислой миной стала разбирать содержимое сумки.

– Ох ты японский городской, как же это я! – сокрушалась она, выгребая осколки.

Две бутылки не пострадали. Она любовно переложила их в разбухшую полипропиленовую сумку, потом продолжила разборку.

– Получила, старая лошадь? – хихикнул Стрелков под самым ухом у тетки. Для этого он низко нагнулся.

Та отшатнулась, едва не упав на спину, чем вызвала судорожно-визгливый смех сидевших неподалеку девиц.

– Кто здесь? – испуганно прошептала она.

– Жадность твоя, – тихо и зловеще произнес Стрелков, – гореть тебе в аду, кошка драмая!

Он приглушенно засмеялся, чем нагнал на тетку жуткий страх, и пошел прочь.

* * *

Он нагнал молодую синюху и, поравнявшись с ней, зашагал с ней в ногу. Она шла рассеянно разглядывая витрины, что-то бормоча и напевая себе под нос. У Стрелкова шевельнулась мысль, что она немного не в себе. Женщина безотчетно улыбалась, чем приводила Сергея в недоумение. Ее лицо, такое унылое и бледное несмотря на кричащий макияж, теперь расцветало то и дело детским восторгом. Стрелков озадаченно стоял рядом с ней, замершей возле винно-водочного магазина. Недолго поразмышляв, она вошла. Стрелков, забыв, что стал невидимым, едва не столкнулся с полным низеньким мужчиной, выходящим из магазина. Сергей буквально впечатался в стену между двумя дверями, чтобы пропустить мужика. Проникнув в магазин, Сергей заметил, что женщина взяла, к его удивлению, не водку, а розовенькой газировки. Полный стакан. Отойдя с ним к окну – столики она почему-то игнорировала – она стала медленно пить из него, наблюдая за уличным движением. «Точно не в своем уме», – подумал Стрелков. И тут на него накатила волна страха. Дело в том, что он хотел выпить, просто умирал от желания облегчить себе существование хоть на какое-то время. И вдруг его мозг полосонула мысль: «Меня же не видно!» На миг эта мысль показалась ему не более, чем сказочным трюком, бредом волшебника-старца.

Так не бывает, – повторял он, но опуская глаза и натываясь на пустоту вместо руки и ноги, понимал, что так случилось и случилось именно с ним. Нужно было срочно выпить! Он приблизился к прилавку, у которого стояла очередь из трех человек. Продавец, широкоплечий гиперстеник с золотой цепью на массивной шее и огромным перстнем на руке, лихо отпускал продукцию. Магазин не отличался изысканной клиентурой. И в действиях бармена-продавца сквозила невнимательная быстрота автомата, которая часто изобличает презрение и скуку, прячущую зевоту под сосредоточенной деловитостью, прикрывающей в свою очередь безразличие стяжателя – какая разница, чья купюра кладется на прилавок, главное, чтобы ее потом положили в кассу, и чтобы товар раскупался.

Избавившись еще несколько лет назад от привычки долго размышлять и будучи от природы человеком практичным – в институт он пошел по настоянию родителей – Стрелков решил сосредоточить свои усилия на поставленной задаче, с учетом, разумеется, своего нового качества. Деньги дать продавцу он не мог – это как дважды два, да продавец все равно бы их не увидел, потому что все, что было надето на Стрелкове, все что было в его карманах стало невидимым, как и он сам, так что оставалось одно – украсть бутылку. Нравственные сомнения не долго одолевали Сергея. Он был зол на тех людей, которые превратили его в невидимку, и перенес свою злость и отчаяние на весь мир. Сначала, конечно, он пару минут помялся. Все же он никогда не воровал, даже не знал как это делается. На работе он мог взять неисправный компрессор или испаритель, отремонтировать его, а потом поставить какому-нибудь лоху как новый, но это он не считал за воровство, а здесь... Даже будучи невидимым, Петрович ощущал некоторую неловкость что ли. Первая фаза колебаний была определена некоторыми моральными соображениями относительно неприглядности одного деяния, Сергей вспомнил библейское «не укради», саркастически пожалев, что в Библии ничего не говорится о человеке-невидимке. Вторая фаза бездействия имела своим источником некомпетентность Стрелкова в воровстве.

Он простоял несколько минут, глядя на прилавок, на котором то и дело мелькали стаканы и бутылки. Вслед за тремя мужиками, стоявшими в очереди, подошли еще несколько зачуханных любителей спиртного. Стрелков с тоской посмотрел на ловкого продавца, на непроницаемом лице которого нельзя было прочесть никаких эмоций. Протянувший ему деньги хлюпенький поистаскавшийся мужичонка пристраивал только что приобретенную бутылку водки местного розлива в пакет. Подождав, пока он отчалит, а продавец займется

обслуживанием очередного покупателя, Стрелков шагнул за прилавок, благо, он был отделен от зала лишь узким проходом. В трех шагах от него продавец отмерял водку мерным стаканом. Чуть-чуть помедлив перед стеллажом с напитками, Петрович опустил взгляд и решил взять бутылку из ящика, стоявшего на полу, чтобы было не так заметно. Он наклонился, уцепил бутылку за горлышко и слегка приподнял. Даже самому Стрелкову, несмотря на то, что он знал о своем новом качестве, чувствовал прикосновение прохладного стекла к своей руке и тяжесть бутылки, было странно видеть, как она, как бы сама собой начала выползать из ящика и наконец повисла в нескольких сантиметрах над ним. Петрович опасно оглянулся – не наблюдает ли кто за ним? Все было спокойно. И продавец, и покупатель были заняты своими делами: один старался недолить водки до мерной черты, другой – следил, чтобы возжеленного напитка оказалось столько, сколько он заказывал.

Сергей Петрович призадумался, но только лишь на секунду, которой ему хватило, чтобы подчиняясь какому-то неписанному закону, быстро сунуть водку за пазуху. К его большому удивлению, бутылка исчезла из поля зрения, словно ее и не было. «Ух ты!» – чуть было не воскликнул Петрович от радости: значит, не все еще потеряно. Решив поэкспериментировать, он слегка высунул горлышко бутылки из-за полы пиджака. Словно обрезанное каким-то неведомым лезвием, часть бутылки засеребрилась в воздухе. «Ага, – удовлетворенно подумал Петрович, – понятно». Хотя, по правде говоря, понятно ему было не много. Он смотрел в зеркальную стенку стеллажа и не видел себя, но горлышко бутылки, словно нарисованное волшебной кистью, слегка покачивалось туда-сюда, вместе с легкими колебаниями тела Петровича. Стрелков отправил бутылку на дно кармана, и горлышко исчезло. Он не стал пытаться объяснить себе подобный феномен, оставив это на неопределенное будущее, но решил воспользоваться практической стороной своего открытия. Теперь, зная как нужно поступать, он действовал наверняка. Выбрав водку подороже – в красивой квадратной бутылке с золотистой этикеткой – Стрелков схватил ее и отправил на недолгое, как он подозревал, место пребывания в другой карман пиджака.

Выбравшись из-за прилавка, Стрелков вышел из магазина, пристроившись вслед за одним из клиентов, и направился в рынок. Про женщину, за которой он пришел в магазин, он уже забыл и думать, все мысли его были направлены на приобретение закуски. Воровать в рынке, как казалось Петровичу, должно было быть проще, смущало только количество народа. Стрелков теперь ловко «просачивался» между снующими покупателями, нигде особенно не задерживаясь. Увидев прилавок с консервами и банками с грибами, горошком и корнишонами, он остановился. Толстая тетка, желая купить что-то из консервов замерла у прилавка, скользая внимательным взглядом по выставленной на витринах продукции. Петрович пригнулся, пролез под доской, отделяющей павильон от отдела, и схватил банку с корнишонами. В этот миг продавщица, отпуская женщину шпроты, двинулась в его сторону и дотронулась до чего-то плотного, но абсолютно прозрачного. Она ахнула и, вздрогнув всем телом, отпрянула, повалив коробки. В этот момент Стрелков выпустил из невидимой руки вспорхнувшую было банку и ринулся прочь. Надо сказать, что он просто-напросто испугался: ему показалось, что его заметили и теперь поймают и будут бить, а может и сдадут в милицию. Банка с грохотом разбилась о плиточный пол.

Стрелков ударился головой о доску, чем еще больше впечатлил обомлевшую продавщицу, которая услышала грохот, но не понимала его происхождения.

– Люб, Люб, ты видела? – испуганно выкатив глаза, крикнула она напарнице, чья прическа-башня, похожая на облако сладкой ваты, высилась над горами масла и сыра.

– Чего, Жень? – непонимающе уставилась та на товарку.

Стрелков выскочил в павильон и едва не налетел на отца семейства, объяснявшего что-то своей половине. Тот тыкал пальцем куда-то в витрину, зычно картавя и морща лоб. Стрелков попытался затормозить, чтобы не задеть его тучный круп, но не удержался и со всего

размаха врезался в эту огромную творожистую массу. Сбить с ног почтенного господина не представляло никакой возможности, но изрядно потревоженный, гигант так озверел, что Стрелков встревожился не на шутку. К счастью, Сергей был невидимым, поэтому шквал ругательств, а вслед за ним и удар кулака, напоминавшего размерами небольшую кувалду, обрушился на ничего не понимающего и обомлевшего от такого наглого произвола крепкого бритоголового парня, оказавшегося неподалеку. Петрович прижался к прилавку, чтобы на него не налетели в создавшейся давке. Выдержав удар, парень потряс головой, как вылезшая на берег из воды собака, и без лишних разговоров пошел в атаку на мужика, обрушив на него град ответных ударов. Тот хоть и был грузным, но после такой обработки потерял всякую способность к сопротивлению. Получив напоследок прямой поддых и хук в челюсть, он, падая, сделал несколько шагов назад с раскинутыми руками, загребая ими всех, кто не успел ретироваться, и с глухим грохотом повалился на гранитный пол. Голова его стукнулась о камень, и из рассеченной на затылке кожи просочилась струйка крови.

– Жирный козел, – парень сплюнул в сторону поверженного противника и, развернувшись, не спеша пошел вдоль торговых прилавков.

Через минуту к окруженному толпой мужику, возле которого собралось все семейство, протиснулся наряд милиции, охранявший рынок. Старший наряда скептически посмотрел на собравшихся, на причитавшую возле мужика жену и принялся за расспросы. Стрелков вспомнил, что у него есть определенное, вполне конкретное дело и не стал следить за окончанием инцидента. Буквально через несколько шагов он заметил колбасный прилавок. Продащица даже взобралась на мешок с крупой, чтобы получше рассмотреть, по какому поводу прибыл милицейский наряд. Воспользовавшись ее невниманием или, лучше сказать, чрезмерным вниманием к происшествию, Стрелков схватил с прилавка приглянувшийся батон колбасы и сунул его за пазуху. Колбаса тут же исчезла из вида. Петрович прижал ее локтем к груди, после чего решил повторить неудавшийся трюк с корнишонами. Как назло, мелкие огурчики не попадались. Тогда, плюнув на свои поиски, так как душа срочно требовала подкрепления, он вышел на улицу и, украв у зазевавшейся лоточницы банку обычных маринованных огурцов, двинул к Данилычу.

* * *

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

* * *

К вечеру того дня, когда произошла трагедия в лаборатории профессора Спирыгина, к одной из длинных девятиэтажек, стоящих по склону Глебова, оврага подъехала серая «девятка» с тонированными стеклами. Машина остановилась во дворе, возле трансформаторной будки, откуда хорошо просматривался ближайший подъезд и окна квартиры на шестом этаже, где жил Сергей Петрович Стрелков. Из салона «девятки» вышел высокий, спортивного телосложения парень с «хвостом» на голове, в добротном светлом костюме и направился к подъезду. Ему пришлось немного подождать, пока на двери не щелкнул электронный замок, и на пороге дома не появился молодой человек лет двадцати пяти.

– Слышь, друг, – обратился к нему парень в костюме, – напомни код, а то я только вчера переехал, а дома никого нет.

– Ноль девяносто шесть, – без раздумий ответил жилец.

– Спасибо, друг, выручил, – поблагодарил парень с «хвостом» и нырнул в подъезд.

Поднявшись на лифте на шестой этаж, он вышел и осмотрелся.

На лестничную площадку выходили четыре стальные двери, одна из которых, с номером «шестьдесят два», была к тому же отделана деревянной рейкой. Шагнув к ней, парень достал из наплечной кобуры пистолет с навинченным на ствол глушителем и надавил на кнопку звонка. Спрятав оружие за спину, он смотрел открытым и честным взглядом в окуляр глазка, ожидая, что дверь кто-нибудь отперет. Прошло около минуты, а открывать ему никто не спешил. Он повторил попытку еще один раз, но за дверью была тишина. Тогда он прижал ухо к двери и застыл так, пытаясь уловить хоть какой-то, самый незначительный шум. Когда он убедился, что в квартире никого нет, он спрятал пистолет назад в кобуру и позвонил в соседнюю дверь.

* * *

– Кажется, никого, – сказал он, садясь на переднее пассажирское сиденье в серую «девятку».

– Что значит, «кажется», Макс? – недовольно переспросил его сидевший за рулем мужчина с русым «ежиком». – Мы же сюда не в «угадайку» играть приехали.

– Я вообще не понимаю, Игорь Васильич, зачем мы сюда приехали, – скептическим тоном произнес Макс. – Что за причуды у нашего шефа?

– Это тебя не касается, – отрезал мужчина, сидевший за рулем. – Что ты узнал?

– На звонок никто не отвечает.

– А соседи?

– Говорят, что слышали только как он и жена выходили из квартиры утром.

– Тогда будем ждать, – сказал Игорь Васильевич, удобнее устраиваясь на сиденье. – Внимательно следи за дверью.

– Да я не маленький, Игорь, – поморщился Макс, – только кого ловить-то? Ты же прекрасно знаешь, что в лаборатории никого не осталось, кроме четырех трупов и охранника.

– Вместе с охранником должно было быть шестеро, – упрямо сдвинул брови на переносице Игорь Васильевич.

– Куда же делся шестой, – язвительно спросил Макс, – испарился что ли?

– Не знаю, – огрызнулся Игорь Васильевич, – я же сам все проверял. Только нету одного, как сквозь землю провалился.

Во время разговора они оба не сводили взгляда с двери подъезда.

– Может, там еще какие комнаты были, а, Игорь? – спросил Макс, хотя был уверен в обратном.

– Где, под землей что ли? – повысил голос начальник.

– А че, – Макс пожал плечами, – вполне мог оказаться подвал.

– Нет там никаких подвалов, – устало возразил Игорь Васильевич.

– Ты-то сам как думаешь, Василич, – после недолгого молчания полубопытствовал Макс, – мог там после пожара кто-то живой остаться?

– Думаю, нет, – лаконично ответил Игорь.

– Тогда че мы здесь кукуем?

– Это приказ, Максик, ты понял меня? – Игорь Васильевич на секунду отвернулся от двери и одарил своего подчиненного таким холодным острым взглядом, что тому стало не по себе.

– Понял, – кивнул тот.

– Давай-ка лучше еще раз все обкумекаем, – более спокойно предложил Игорь. – В лаборатории был охранник, который сменился в восемь утра, а после подтянулись четверо сотрудников. Пятый – этот тип с чемоданчиком – задержался примерно на полчаса. Но ведь он вошел туда, я сам видел. И чемодан его гребаный валялся в дальней комнате. А его самого не было. Ты же знаешь, у меня взгляд – не хуже «Кодака», один раз сфотографирую – не забуду до самой смерти.

– Кому ты говоришь, Василич, – пожал плечами Макс, – он у меня тоже на всю жизнь отпечатался.

– Куда же он тогда мог сдернуть? – казалось, Игорь Васильевич задал вопрос самому себе.

– В окно? – предположил Макс и сам же ответил на свой вопрос: – Так там и окон-то нет...

– Вот именно, нет окон, – покачал головой Игорь Васильевич, – значит, этот путь отпадает.

– Слушай, Василич, – выдвинул Макс совсем уж невероятную идею, – может, там подземный ход?

– Какой подземный ход, – судорожно усмехнулся Игорь, – пристройку делали лет шесть назад. Это тебе не монастырь какой и не замок царский. Но ведь куда-то же этот поц просочился!

– Может, сгорел он на хрен?

– Кто сгорел, Макс? – Игорь Васильевич снова на секунду отвел взгляд от стальной двери и посмотрел на соседа как на душевнобольного. – Ты хорошо стреляешь, братан, но мозги у тебя не в ту сторону вертятся. Не было его внутри. Не было!

– Но ведь он вошел туда, – не обратив внимания на критику начальника, твердил Макс.

– Вошел.

– Внутри его не было...

– Не было.

– Получается, что он вошел и сразу же вышел обратно, – заключил Макс.

– Не мог он выйти так быстро, Макс, – покачал головой Игорь Васильевич. – Во-первых, никто оттуда не выходил, во-вторых, мы начали зачистку минут через десять, после его появления, в-третьих, я видел там его чемоданчик. Открытый чемоданчик, Макс.

– Ну и что? – Макс бросил короткий непонимающий взгляд на своего шефа.

– А то, – подытожил свои выкладки шеф, – что он был там во время взрыва – мы его просто не заметили. Потом, когда ты все запалил, и мы сдернули, он выбрался наружу. Вот какая картина получается, приятель. А если это так, то никуда он от нас не денется. Будем ждать.

– Слышь, Василич, – Макс нахмурил брови, что-то мучительно соображая, – тогда неувязочка получается. Если этот черт исчез, вроде как у него была шапка-невидимка, тогда должен быть еще один, а?

– А ты, оказывается, не совсем дурак, Макс, – усмехнулся Игорь Васильевич. – Конечно, есть еще один. Вот разберемся с этим фруктом, займемся профессором.

– Профессором?.. – Мак недоуменно поднял брови. – Что за профессор?

– Узнаешь в свое время, – Игорь Васильевич растянул тонкие губы в усмешке.

– Так чего, будем ждать? – поинтересовался Макс.

– Будем, – подтвердил начальник.

* * *

Виктор Данилович Штерн был известен в городе как человек, занимающийся разведением редких аквариумных рыбок. В выходные дни его всегда можно было найти на тарасовском базаре, где торговцы этой экзотической продукцией занимали несколько рядов. Правда сам Штерн, которого наиболее близкие люди звали просто Данилычем, рыбками не торговал, предпочитая давать советы и потягивать пиво из бутылки. У Данилыча были свои покупатели, в основном из богачей, которых мода на аквариумы заставляла щеголять друг перед другом новыми невиданными породами из южных морей. Поэтому они обращались к Данилычу и выкладывали за особенно ценные экземпляры солидные суммы, которые позволяли Штерну вести довольно сносное существование, при этом выпивая в сутки бутылок по десять пива. Дело в том, что Данилыч на дух не переносил водку и когда-то лечился от этой пагубной привычки, но организм требовал своего, и Штерн с присущей ему смекалкой решил компенсировать крепость водочного алкоголя пивным количеством.

Придерживая рукой колбасу и банку огурцов, спрятанные за пазухой, Стрелков от рынка спустился к улице Гоголя, вонючей и витиеватой, проходящей по старому центру города и еще не застроенной современными бетонными домами. Одноэтажный деревянный дом, в котором располагалась рыбоводная ферма Данилыча, находился в большом вытянутом дворе и был зажат между двумя двухэтажками. Двор, как и большинство подобных тарасовских дворов, изобиловал всяческими неровностями в виде выступающих из грунта обломков кирпичей, рассыпанного щебня и сухих веток. Стрелков, не видя своих ног, пару раз едва не растянулся во весь рост вместе со своей снедью, но сумел удержаться. Во дворе никого не было, и только соседская овчарка, почуяв Стрелкова, принялась неистово лаять. «Фу ты, сволочь безмозглая», – негромко выругался Петрович, открывая покосившуюся калитку, ведущую в крохотный палисадник.

«Данилыча нет», – резюмировал Сергей Петрович, увидев, что легкая дверь с сеткой от мух и комаров закрыта. Открыв сетчатую дверь, которая не была заперта, Стрелков, придерживая банку и колбасу левой рукой, правую просунул сквозь маленькое окошечко и нащупал ключ. Отперев основную дверь, он вошел, выставил водку и продукты на стол в большой комнате и, вернувшись ко входу, запер все как было.

В доме было три комнаты. Когда-то Данилыч здесь жил вместе с женой, сыном, невесткой и внучкой, теперь же тут размещалось его рыбоводное хозяйство. На тех, кто приходил сюда впервые, десять тонн воды в огромных, стоящих в два яруса аквариумах, с тропическими растениями и яркими рыбками, производили неизгладимое впечатление. Каждый аквариум вмещал в себя триста-четырееста литров воды. Среди высокой травы, как два поло-

сатых чайных блюдца, настороженно замерла пара королевских дискусов, охраняющих икру, отложенную на глиняный горшок, в соседнем аквариуме хищно шныряли бирюзовые акары, стайки ярко-оранжевых суматранских барбосов пугливо металась рядом. Остроконечные плавники плихтов торчали на дне, словно застрявшие в песке коряги. Тупорылые, мощно-головые пираньи скалились в ожидании живого корма. Скалярии величественно несли за собой шлейфы длинных плавников. Круглосуточно шипел компрессор, подавая воздух в аквариумные фильтры, которые очищали воду от примесей.

В соседнем помещении стояли аквариумы поменьше, в которых подращивался молодняк и более прозаические виды рыбок вроде моллинезий или неонов. Стрелкову все это разнообразие было давно знакомо, поэтому он устроился за столом на старом потрепанном диване и решительно свернул с бутылки пробку. «А-а, черт», – он вспомнил, что не «купил» хлеб и не взял с кухни стакан. Поднявшись с дивана, жалобно скрипнувшего пружинами, Петрович прошел на кухню. Сполоснув холодной водой пыльный граненый стакан, которым давно не пользовались, он отыскал заодно нож и открыл небольшой холодильник. Среди ванночек с живым кормом нашел ломоть подсохшего черного хлеба. «Пойдет», – выдохнул он и вернулся в большую комнату. По дороге он ненадолго задержался у зеркала, висевшего в прихожей, и несколько минут вглядывался в стену позади себя. Как-будто его, Стрелкова и не было вовсе. «Хреновина какая-то», – пробормотал он, наливая водку в стакан. Для начала Петрович принял на грудь граммов сто пятьдесят и, захрустев огурчиком, откинулся на спинку дивана.

Когда алкоголь начал действовать, и по желудку волнами стало расходиться тепло, Стрелков поднялся, подошел к аквариуму с барбусами и решительно опустил туда руку. Стайка рыбок метнулась в дальний угол, а Петрович с удивлением, смешанным со странной радостью, смотрел, как от невидимой руки на водной поверхности расходятся круги, а кисть проявилась серебристым контуром, словно материализующийся Терминатор. «Я есть», – утвердительно произнес Стрелков, видя как шевелятся под водой его пальцы. Петрович вынул руку из воды, продолжая внимательно наблюдать, что же будет теперь. В течении нескольких секунд, пока капли воды держались на ней, руку, вернее ее сверкающую поверхность, можно было различать. Но по мере испарения водной пленки, рука постепенно растворялась в воздухе и наконец совсем пропала, будто ее никогда и не было. Петрович проделал эксперимент еще несколько раз и каждый раз с одинаковым результатом. После этого он со вздохом опустился на диван и выпил еще.

То ли на него подействовала водка, то ли проделанные опыты, то ли убаюкивающий шум компрессора, наполнявшего равномерным гудением весь дом, то ли накопившаяся за день усталость, а скорее всего, все вместе взятое, только через несколько минут, Стрелков, свернувшись калачиком, посапывал на диване. Ему приснилось, что он, большой и солидный, в путном костюме, ходит по магазинам, покупает все что ему заблагорассудится, разговаривает с людьми, которые видят его, такого красавца, и совершенно ничему не удивляются.

* * *

День был не особенно удачным, но все же принес некоторый доход, позволивший Данилычу затариться пивом, купить внучке шоколадку, а жене – бутылку подсолнечного масла. Вчера Данилыч был на рыбалке, привез много рыбы, вот масла и не хватило. Он не баловал жену, изменял ей, если подворачивалась особа привлекательная и при этом не очень щепетильная, не больно-то заботясь об «алиби», как он называл уместный повод не ночевать дома. Жена его привыкла к этим отлучкам, впрочем, не частым, даже внутренне приветствовала их, потому что, стараясь загладить вину, Данилыч становился щедрым и по-особому

ласковым. Он страшно любил свою внучку, в которой видел высший смысл своей жизни, и трогательная забота о которой служила отличной возможностью оправдаться перед собой за небольшой разврат, скрашивающий его полухолостяцкий досуг.

Невысокий рост Данилыч компенсировал живым искристым обаянием. Иногда, правда, его шутки носили уж совсем скабресный характер, а вечный смех бывал излишне громким и натянуто-судорожным. Крепко сбитый, похожий на Карлсона, он имел успех у определенного типа женщин, которых задабривал водкой, пивом, мясными и рыбными деликатесами. Ходили слухи о его могучем темпераменте. Квартира, в которой он выращивал своих экзотических рыбок, пестрела плакатами голых и полуголых девиц, на которые жена, раз в неделю приходившая убирать помещение, смотрела сквозь пальцы.

Его короткая толстая шея и лицо пылали и рдели, что являлось несомненным признаком того, что Данилыч уже принял несколько бутылок пива. Красный цвет кожи, можно сказать, был перманентным, ибо перманентным было насыщение организма пивом. Он поглощал этот напиток в немеренных количествах, а потому всегда был весел и полон задиристого юмора. Вот и сейчас, идя домой, то бишь в рыбную лабораторию, Данилыч неведь чему улыбался. Открыв калитку, а следом дверь, он прошел в помещение, по пути поздоровавшись с ветхой одинокой бабушкой, живущей по соседству. Бутылки в сумке, которую он осторожно поставил на застеленный старой, поизносившейся клеенкой стол, приветливо и звучно гроыхнули, словно подмигнули хозяину. Данилыч осклабился, достал из другой сумки вяленую воблу, сыпал на лежавший здесь же на столе кусок газеты семечки, которые вечно таскал в карманах, составил со стола на пол почти пустую бутылку водки и с легким недоумением уставился на запотевший стакан, початую банку маринованных огурцов и нарезанную большими, неаккуратными кусками колбасу. Он особенно не удивился, ибо частенько давал ключ своим друзьям, когда те имели желание уединиться в его лаборатории с любовницами. Но обычно такому событию предшествовала договоренность, ибо Данилыч несмотря на всю свою отзывчивую доброту полагал, что чем жестче регламент, тем больше уважения и меньше повода держать его за простофилю. В его голове тут же нарисовался вопрос: «кто бы это мог быть и почему за собой не убрали?» Однажды он нашел на столе чьи-то огромные семейные трусы не первой свежести, а на полу – несколько использованных презервативов. Неведомо, что больше потрясло Данилыча – хамство тех, кто навестил его жилье, или резинки, число которых указывало на то, что у Данилыча в среде его друзей и знакомых есть конкуренты в сфере сексуальной потенции. Он долго вычислял нахала, а когда вычислил, отказал от дома.

Бутылка водки, которую Данилыч механически составил на пол, и прочие остатки таинственного пиршества на миг вызвали в его памяти тот неприятный момент, когда он обнаружил трусы и резинки, а потому он наморщил низкий лоб и прищурил маленькие голубенькие глазки, постоянно влажные и по-младенчески доверчивые. Все это неприятно удивило его и даже насторожило. Полный недоумения и подозрения, он медленно опустился на скрипучий, покрытый вылинявшим одеялом диван. И тут его словно что-то подбросило вверх. Он вскочил и, не удержавшись на ногах, грохнулся на пол.

– Твою мать! – услышал он возмущенный возглас Стрелкова.

– Какого хрена?

* * *

Полковник Магомедов, вернувшись с места взрыва, устроился в своем кабинете, расположенном на последнем этаже трехэтажного здания областного Управления. В большие начальники Мамед Мамедович выбрался из самых низов, и только он один знал, чего ему это стоило. Не блеща ни умом, ни усердием, Магомедов умел так подлизывать зад вышестоящему

начальству, что оно, хоть и посмеиваясь над тупостью Магомедова, давало ему очередные звания и, соответственно, продвижение по службе. Сидя на различных совещаниях в администрации области, полковник обычно рисовал в блокноте большие женские сиськи, к которым был очень неравнодушен. Своим показным усердием, полковник создавал впечатление работающего и исполнительного человека. Доклады и отчеты за него готовил заместитель – подполковник Граблин, которого он тащил за собой с тех пор, как служил еще старшим участковым инспектором. Граблин был умным и проницательным человеком, но расстилаться перед начальством не умел, да и не хотел. Он понимал, что всем, чего он добился в жизни, обязан себе и Магомедову, но тем не менее относился к тому с большой долей иронии и даже пренебрежения.

Магомедов долго сидел перед огромным столом, заваленном бумагами, прежде чем нажал кнопку селектора.

– Маша, – властно произнес он в микрофон, – Граблина ко мне и чаю с лимоном.

– Сию минуту, Мамед Мамедович, – проворковала секретарша.

– Ну что, – спросил полковник, когда Граблин появился в кабинете, – есть какие мысли?

Не дожидаясь приглашения, подполковник опустился на стул, стоявший по другую сторону стола. Это был высокий подтянутый мужчина, со светло-русыми волосами и такими же ресницами.

– Мыслей много, товарищ полковник, – слегка улыбнулся Граблин, – вы то сами что хотите услышать?

Юрий Антонович знал, о чем спрашивает начальник, и после возвращения с места трагедии успел проделать кое-какую работу, но не торопился выкладывать все сразу.

Секретарша вошла в кабинет и поставила перед Магомедовым стакан чая.

– Еще один, – Мамед Мамедович покосился на Граблина, и секретарша отправилась за другим стаканом.

Пару минут Магомедов звенел ложкой по стакану, потом зыркнул на подполковника.

– Ты, мать твою, знаешь, что я хочу от тебя услышать, – со злостью проговорил он. – Кто это сделал?

– Это мы выясним, – не обращая внимания на грубость Магомедова, мягко произнес Граблин, – но я бы начал не с этого.

– С чего, с чего бы ты начал? – полковник отшвырнул чайную ложку, которая застряла в бумагах, лежащих на столе.

– Сначала нужно узнать, чем занимались в этой лаборатории, кто арендатор, давно ли заключен договор, на каких условиях? – спокойно перечислял Юрий Антонович. – Кстати, – добавил он, хитро сощутив глаза, – кажется, Петр Сидорович не поддерживает вашей активности?

Граблин присутствовал на месте взрыва и слышал разговор своего начальника с представителем федералов, но также знал о трениях между исполнительной властью и спецслужбами. И вопрос он этот задал своему начальнику неспроста. Ему хотелось разобраться, с какой это стати Магомедов вдруг пытается рыть землю рогом, вешая на себя это дело, когда ему четко заявили, чтобы он не высовывался. Если полковник просто собирался обставить федералов на повороте, это было одно дело, и совсем другое – если у него были какие-то другие причины. Это-то между делом и собирался выяснить Юрий Антонович.

– Он мне не указ, – поморщился Магомедов, делая глоток чая, – губернатор будет спрашивать с меня. И если мы раскроем это убийство, думаю это будет большой плюс для нас. Понимаешь?

– Понимаю, – кивнул Граблин.

В это время в кабинет вошла секретарша и поставила перед ним стакан чая. Он подождал, пока она снова скрылась за дверью, и добавил:

– Я уже кое-что предпринял в этом направлении.

– Ну-ну? – Магомедов с интересом наклонился в его сторону.

– Пока еще удалось выяснить немного, – Граблин не спеша размешал сахар в стакане, осторожно поднес ко рту горячий чай, сделал маленький глоточек и только потом продолжил: – помещение лаборатории было арендовано несколько лет назад у сельхозинститута неким ЗАО «Актив-плюс». Проректор по хозяйству, с которым заключался договор аренды, никаких претензий к арендаторам не имел, так как арендная плата вносилась регулярно в начале каждого календарного года.

Юрий Антонович замолчал, наблюдая за реакцией начальника.

– И это все? – высокомерно и разочарованно спросил тот. – А что это за «Актив-плюс», кому принадлежит?

– Это я как раз сейчас выясняю, – кивнул Граблин, – нужно пройти всю цепочку до конца, а на это понадобится время.

Дело в том, что акции ЗАО «Актив-плюс» принадлежат двум юридическим лицам: ЗАО «Ариэль» и частной фирме «ЭВА». Поиском владельцев этих компаний мы сейчас и занимаемся.

– Молодец, подполковник, – похвалил его Магомедов, блеснув черными глазами из-под лохматых бровей, – только делать это нужно быстрее, быстрее. Как думаешь действовать дальше?

– Есть обычная схема, Мамед Мамедович, – Граблин с улыбкой пожал плечами, – только нужно ли мне сейчас все вам объяснять?

Граблин, почти не этого скрывая, подсмеивался над полковником, а тот или действительно этого не замечал в силу своей тупости, или просто не показывал вида.

– Ладно, не надо ничего объяснять, – согласился Магомедов, залпом допивая остывший чай. – Только чтобы завтра утром был у меня с докладом. Понятно?

– Как не понять, – облегченно вздохнул Граблин. – Вы, Мамед Мамедович, всегда так доходчиво объясняете.

– Ага, правильно, – удовлетворенно кивнул Магомедов. – Так что давай, действуй.

* * *

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

* * *

Бранный возглас Стрелкова, казалось, привел Данилыча в чувство. Он узнал голос приятеля, но никого не видел в гостиной. Он почувствовал кого-то на диване, но списал это на свое не вполне трезвое состояние.

– Стрелков? – полушепотом спросил Штерн и медленно направился в другую комнату, думая, что его разыгрывают.

Петрович тоже еще не вполне отошел от водочных паров, поэтому не сразу и вспомнил о своем новом состоянии.

– Данилыч, ты куда? – чуть приоткрыв заплывшие глаза, поинтересовался он.

Данилыч вздрогнул всем телом и резко обернулся. Снова никого не заметив, двинулся дальше.

– Ну и черт с тобой, – пробормотал Петрович, опустил голову вниз и, не увидев своего тела, вспомнил все, что с ним приключилось.

– Эй, стой, – он вскочил с дивана, едва не опрокинув стол, и кинулся за Данилычем.

Ему просто необходимо было с кем-то поделиться своим горем, объяснить, добиться сочувствия. А кто еще, если не Данилыч, мог бы ему в этом помочь? В плане сочувствия, естественно. Петрович догнал его уже в другой комнате, схватил за плечи и легко развернул лицом к себе.

К выражению сочувствия, даже элементарного понимания Данилыч оказался не готов. Он попытался вырваться из цепких объятий, но силенок у него не хватило.

– Да я это, Данилыч, я, – убеждал его Стрелков, обдавая крутым перегаром, – неужели не узнаешь?

– Вижу, что ты, – Данилыч слегка помотал головой, на всякий случай согласившись с призраком. Где-то он слышал, что с призраками лучше не спорить, тогда и они ничего плохого не сделают. Только вот он не знал, что призраки употребляют спиртное.

– В том-то все и дело, Витя, – с грустью в голосе произнес Стрелков, – что не видно меня теперь. Все есть как и было: руки, ноги, голова, только не видно их.

Стрелков слегка ослабил хватку.

– Теперь-то ты понимаешь? – спросил он Данилыча.

– Теперь-то, конечно, – согласился Данилыч, все естество которого отказывалось верить в то, чего не видно.

– Да ты пощупай меня, пощупай, – настойчиво говорил Стрелков.

– Че ты баба что ли, щупать тебя? – пожал плечами Данилыч, но все же осторожно провел рукой по руке Стрелкова, который все еще придерживал его за плечи.

– Ну, черт старый, понял теперь?

– Чего ж тут непонятного? – пожал плечами Данилыч, опуская руку.

– Да ты морду потрогай, морду, – уже более радостно приказал Петрович.

– А чего ее трогать, морду-то? – криво улыбнулся хозяин, но руку поднял и начал ощупывать свое лицо.

– Какого хрена, Данилыч, – обиженно произнес Стрелков, – чего ты ваньку-то валяешь?

– А чего? – не понял Данилыч.

– Да ты меня трогай-то, а не себя, – Стрелков снова повысил голос.

Штерн еще осторожнее, чем раньше протянул руку в то место, где, по его расчетам, должна была находиться голова. Пальцы действительно уперлись во что-то, напоминавшее опухшую кожу, натянутую на череп. Он пропальпировал всю черепушку, начиная с подбородка и заканчивая волосами. Это было нечто, напоминавшее голову, но Данилыч бы не поставил и бутылки пива за то, что она действительно принадлежит Стрелкову. Нет, голос-то был похож. Просто один в один. А вот с остальным...

– Ну что? – Стрелков застыл в нетерпеливом ожидании.

– Пойдем-ка сперва пивка хлебнем, – ушел от прямого ответа Штерн, – что-то у меня в горле пересохло.

– Можно, – согласился Петрович и, отпустив Данилыча, снова вернулся на диван.

Данилыч устроился на табурете, покосившись на появившуюся в диванном сиденье вмятину, и открыл две бутылки пива из тех, что принес с собой. Сделав пару глотков, он стал ошарашенно наблюдать, как вторая бутылка поднялась в воздух, наклонилась и из нее стало вытекать содержимое. Причем на одна капля пива не попала на диван или на пол. Под характерные плотательные движения полбутылки пива просто-напросто куда-то испарились.

– Вот такие дела, Данилыч, – изрек Стрелков, поставив ополовиненную бутылку на стол.

– И как же это получилось? – спросил Штерн, чтобы как-то поддержать разговор.

– Я сам еще до конца не разобрался, – принялся объяснять Петрович. – Какие-то мудаки взорвали лабораторию. Все вдребезги, всех сотрудников замочили наглухо, а я стал невидимкой.

– Не веришь, мать твою, думаешь, Стрелков врет! – обиженно и гневно крикнул Сергей моле небольшой паузы, видя, что Данилыч глупо улыбается, пребывая в некой рассеянной задумчивости, – иди-ка сюда, – он схватил онемевшего от ужаса Данилыча и повлек к аквариумам.

Стрелков был до того зол и необуздан, что в запале сунул руку к пираньям.

– Не сюда, дурак! – испуганно взвизгнул Данилыч, увидев заволновавшуюся в аквариуме воду и «проявившуюся» руку, – отгрызут!

– А-а-а! – с издевательски торжествующим смешком воскликнул Стрелков, вынимая руку из аквариума – слава Богу, что пираньи от резкого движения Сергей вначале шарахнулись в сторону, прячась за зеленый клуб аквариумной растительности, – признал друга? А чего ж тогда прикидываешься?

Данилычу показалось, что он слышит, как призрак скрежещет зубами.

– Вот, смотри, – Стрелков с удовлетворением наблюдал за реакцией Данилыча.

Тот, увидев в воздухе проступающие серебристые контуры руки, призадумался, затаив дыхание.

– Видишь, идиот?! – взревел Стрелков, – думаешь, я тут перед тобой ваньку валяю?

Задумчивость Данилыча испарилась также быстро, как и мифическая рука, ставшая снова абсолютно невидимой. Он впал в уныние. Волнение немного улеглось, а вожденная ясность сознания не наступила. Настал черед глубокой прострации. Серебрящаяся в аквариуме рука не убедила Данилыча в существовании невидимого Стрелкова. Он по-прежнему считал голос Сергея продуктом воспаленного воображения. Но противоречить или сопротивляться бросил, в глубине души чуя, что это не даст желаемого результата. Интерпретировать голос или призрачные очертания руки в качестве бреда он еще мог, а вот левитацию бутылки, тычки, рывки и швыряние – нет. Последние действия будили в нем несоизмеримый ни с чем ужас, они словно были показателями запущенности болезни. Если уж он не может дать сколько-нибудь разумное объяснение тому, что вместо полной бутылки перед ним стоит половина, при том, что он не пил, это означает, что дела его плохи. Он читал в популярных книжках о прорицателях и чудесах загробной жизни о разных священных неле-

пицах и бредовых парадоксах, знал, что умерщвлявшие плоть отшельники слышали голоса, видели Богородицу и прочих святых. И то, что это явление представляет собой, так сказать, частный случай подобной духовной практики – это еще он имел мужество допустить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.